

Э. Ренан

**Собрание сочинений Эрнеста
Ренана**

Том 4-6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э. Ренан**
Собрание сочинений Эрнеста Ренана: Том 4-6 / Э. Ренан – М.: Книга по Тре-
бованию, 2016. – 618 с.

ISBN 978-5-458-08337-9

С портретом автора и очерком его жизни и деятельности. Перевод с фран-
цузского под редакцией В. Н. Михайлова. В двенадцати томах.

ISBN 978-5-458-08337-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Серьезный человекъ тогда только активно вмѣшивается въ современныя ему событія, когда его обязываетъ къ этому его происхождение или добрая воля его согражданъ. Нужно обладать большою самонадѣянностью или большимъ легкомысліемъ, чтобы съ легкимъ сердцемъ взять на себя отвѣтственность за людскія событія, не будучи къ тому обязаннымъ. Но теоретическое размышленіе объ этомъ не является такимъ же безразсудствомъ. Всякій, по мѣрѣ возможности, обязанъ думать объ общественномъ благѣ и содѣйствовать ему всѣми своими силами. Тотъ, кто занимается историческими науками, особенно обязанъ прилагать подобнаго рода старанія; ибо, хотя знаніе настоящаго менѣе поучительно, чѣмъ знаніе прошедшаго, все-таки и настоящее представляетъ собою одинъ изъ видовъ дѣйствительности и потому заслуживаетъ изученія. Предоставить подобную заботу тѣмъ, кого называютъ политиками, было прискорбно. Политикъ—это обыкновенно человекъ, одержимый партійными предразсудками и страстями. Положеніе его очень невыгодно, для того, чтобы онъ могъ судить о событіяхъ всесторонне, сравнивать между собою различныя эпохи и страны, задолго предугадывать движенія и предвидѣть будущее.

Въ настоящемъ томѣ, я собралъ для небольшого кружка тѣхъ лицъ, которые вносятъ нѣкоторый философскій элементъ въ изученіе событій своего времени, рядъ статей, имѣющихъ между собою только ту связь, что онѣ относятся болѣе непосредственно къ вопросамъ и событіямъ нашего вѣка. Общая политика, вопросы относящіеся къ народному просвѣщенію, общественной организаціи вѣроисповѣданій, къ нравственному и религіозному состоянію нашей страны—вотъ что здѣсь вкратцѣ затронуто.

Въ статьѣ, посвященной общей политикѣ, я пытался указать на поверхностныя и неудовлетворительныя стороны социальнаго государственнаго устройства, явившагося слѣдствіемъ революціи; я пытался указать на опасности, которымъ оно подвергаетъ Францію, на бѣдствія, которыхъ можно опасаться, на существующую необходимость развить умъ французовъ, открыть передъ нимъ новые горизонты, спасти его отъ укоренившихся въ немъ заблужденій. Будучи великимъ, иногда величественнымъ, явленіемъ, революція представляетъ собою опытъ, дѣлающій очень много чести народу, который осмѣлился его предпринять; но этотъ опытъ

не удался. Сохранивши только одно неравенство—имущественное, оставивши въ силѣ только одного гиганта—государство, а карликов—тысячи, создавши единственный, могущественный центръ—Парижъ среди интеллектуальной пустыни провинціи, преобразовавъ всё общественныя службы въ административныя, задержавъ развитіе колоній и закрывъ такимъ образомъ единственный выходъ, черезъ который современныя государства могутъ выйти изъ проблемъ социализма,—революція создала націю, будущее которой мало обезпечено, націю, среди которой дѣлится только богатство, а благородство можетъ только падать въ своемъ значеніи. Сводъ законовъ былъ составленъ какъ-бы для идеальнаго гражданина, растущаго какъ подкинутый ребенокъ, и умирающаго холостякомъ; этотъ кодексъ все дѣлаетъ пожизненнымъ, на основаніи его дѣти являются для отца неудобствомъ, всякое коллективное и постоянное дѣло запрещается; благодаря этому кодексу нравственное единеніе, которое только и является правдивымъ, рушится съ каждой кончиной; осторожный человекъ становится эгоистомъ, устраивающимся такъ, чтобы имѣть возможно меньше обязанностей;—мужчина и женщина брошены на арену жизненной дѣятельности при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, а собственность разсматривается не какъ нѣчто морально обязывающее, а какъ эквивалентъ извѣстнаго права пользованія, могущій всегда быть оцѣненнымъ деньгами. Такой кодексъ, говорю я, не можетъ ничего породить, кромѣ слабости и ничтожества. Часто удивляются силѣ духовенства, епископства въ провинціи. Это объясняется очень просто. Революція все ниспровергла; она сломала всё организаци, за исключеніемъ церкви; осталось одно духовенство, организованное внѣ предѣловъ государства. Подобно тому какъ города, во время упадка римской имперіи, выбирали представителемъ своего епископа, такъ и теперь, епископъ въ провинціи скоро будетъ единственнымъ элементомъ, твердо держащимся среди падающаго общества. Со своимъ жалкимъ пониманіемъ семьи и собственности тѣ, которые такъ печально ликвидировали несостоятельность революціи, въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, подготовили міръ пигмеевъ и недвольныхъ. Никогда не проходитъ безнаказанно пренебреженіе философій, наукой и религіей. Какимъ образомъ правовѣды, какъ бы способными ихъ ни считали, посредственные политики, благодаря своей трусости изгнущіе ужасовъ Террора, умы безъ высокой культуры, какъ большинство тѣхъ, которые стояли во главѣ Франціи въ эти рѣшительные годы,—какимъ образомъ могли они рѣшить задачу, которой не могъ рѣшить ни одинъ гений, и создать искусственно, помощью мысли, атмосферу, въ которой общество могло бы жить и приносить свои обычные плоды.

Статьи, посвященныя народному образованію, составляютъ большую часть этого сборника. Изъ всѣхъ задачъ нашего времени это наиболѣе важная; при рѣшеніи ея сравненія наиболѣе необходимы. Я думаю, что съ интересомъ будетъ прочтенъ разборъ мянѣній, которыхъ нѣмцы держатся относительно нашихъ учебныхъ заведеній и нашихъ методовъ преподаванія. Ихъ сужденія, безъ сомнѣнія, очень суровы, по изъ нихъ можно извлечь

пользу. Французскій университетъ слишкомъ много подражалъ иезуитамъ съ ихъ пошлыми рѣчами, латинскими стихами; онъ слишкомъ много напоминаетъ древнихъ риторовъ временъ упадка. Плохой французскій языкъ, на которомъ считается нужнымъ разглагольствовать, стремление заставить все выродиться въ декламацію,—поддерживаются одной изъ университетскихъ партій съ упорствомъ, доходящимъ до того, что она презираетъ основу знаній и цѣнитъ только стиль и талантъ. Нужно ли мнѣ добавлять, что никакая критика университетскихъ методовъ не уменьшитъ моего почтенія и уваженія къ учрежденію, заключающему въ своихъ нѣдрахъ столько учености и столько самоотверженія? Меня особенно занимало высшее образованіе. Высшее образованіе—это источникъ образованія начальнаго. Принести первое въ жертву второму—значитъ идти противъ поставленной цѣли. Милліонъ, сбереженный на высшемъ образованіи, можетъ совершенно остановить интеллектуальное развитіе страны, а отданный на начальное образованіе, этотъ-же милліонъ окажется мало дѣйствительнымъ. Для того, чтобы дѣйствительно внести новыя начала въ дѣло народнаго просвѣщенія, нужно очень много другихъ жертвъ. Начальное образованіе въ томъ только случаѣ бываетъ прочно въ странѣ, если просвѣщенная часть націи желаетъ этого, если она постигаетъ его сущность, сознаетъ его пользу и справедливость. Создавайте высшіе классы, проникнутые либеральнымъ духомъ; иначе вы будете строить зданіе на песокъ; одинъ капризъ нерасположенной къ вамъ или недостаточно просвѣщенной палаты—и всѣ ваши начинанія рухнутъ. Чтобы создать лѣсъ, недостаточно посѣять его; нужно еще обезпечить первые всходы отъ уничтоженія. До тѣхъ поръ, пока во Франціи не будетъ искоренено то ложное мнѣніе, что воспитаніе полезно только въ виду даваемого имъ въ будущемъ общественнаго положенія, что образовывать и просвѣщать бѣдняка—это значитъ давать развиваться въ немъ потребностямъ и честолюбію, которыхъ невозможно будетъ удовлетворить,—до тѣхъ поръ ничего рѣшительно не будетъ достигнуто. Прочность народнаго образованія въ Германіи является слѣдствіемъ солидной постановки высшаго образованія въ этой странѣ. Школу создаетъ Университетъ. Говорили, что побѣду при Садовой одержалъ не кто иной, какъ народный учитель. Нѣтъ, побѣду эту одержала германская наука, германская добродѣтель, протестанство, философія съ Лютеромъ, Кантомъ, Фихте и Гегелемъ. Народное образованіе—это слѣдствіе высокой культуры извѣстныхъ классовъ. Страны, которыя подобно Соединеннымъ Штатамъ, создали значительное народное обученіе, не создавъ серьезнаго высшаго образованія, долго еще будутъ платиться за эту ошибку своей интеллектуальной посредственностью, грубостью своихъ нравовъ, поверхностностью своего ума, недостаткомъ общаго развитія.

Далѣе въ этомъ томѣ рѣчь идетъ о французской коллегіи, о свойствахъ и выдающихся чертахъ ея. Это мой любимый предметъ. Я много размышлялъ объ этомъ около 1860 года, когда на основаніи различныхъ признаковъ можно было надѣяться, что для либерализма настанутъ лучшіе дни. Лекціи краснорѣчія, по-

добно тѣмъ, которыя читались во время Реставраціи, казались мнѣ и невозможными, и нежелательными. Этого рода лекціи, которыя скорѣе могутъ обнаруживать талантъ профессора, чѣмъ содѣйствовать просвѣщенію ума и характера слушателей, принесли вредъ нашему научному мышленію. Если эти лекціи будутъ продолжать свое робкое существованіе, они вызовутъ только появленіе посредственностей. Кромѣ того, подобныя торжественныя лекціи предполагаютъ существованіе политической свободы и такого настроенія общественныхъ умовъ, которое (скажу, къ сожалѣнію) не свойственно нашему времени. Не легко расположить къ себѣ молодежь, которую вы оскорбили, и которой вы не сумѣли внушить духа серьезности и солидныхъ научныхъ изслѣдованій. Притѣсненія и лицемѣріе оффиціальныя круговъ порождаютъ безпорядки. Германскіе университеты, въ которыхъ существуетъ абсолютная свобода мысли, не знаютъ безпорядковъ. И вотъ я подумалъ, что вмѣсто блестящихъ упражненій временъ Реставраціи можно будетъ помышлять о преподаваніи скорѣе научномъ, чѣмъ литературномъ, скорѣе специальномъ, чѣмъ краснорѣчивомъ,—о преподаваніи, которое черпало бы свои силы въ абсолютной искренности, стояло бы далеко отъ всякой политики не изъ-за боязни, но въ видахъ истины, не стремилось бы къ успѣху путемъ намековъ и не дѣлало бы никакихъ уступокъ. Мечтать въ наши дни о Сорбоннѣ временъ Гизо, Кузена, Виллемена было бы химерой; но мы могли-бы завтра же создать вокругъ французской коллегіи научное движеніе, въ которомъ намъ позавидовалъ бы Берлинъ. Я положилъ мое честолюбіе въ томъ, чтобы получить законнымъ путемъ, т. е. черезъ голосованіе моихъ со товарищей, мѣсто въ этомъ великомъ святилищѣ свободной науки. Во вступительной лекціи я указалъ путь, по которому я намѣренъ былъ слѣдовать, при чемъ имѣлъ успѣхъ, какой до сихъ поръ обыкновенно не выпадалъ на долю лицъ, назначаемыхъ министерствомъ. Читалъ я эту лекцію въ умѣренномъ тонѣ, что въ теченіе двухъ дней вполне признавали. На третій день лица, которыя должны были быть достаточно удовлетворены своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы не быть завистливыми къ чужой свободѣ, заставили запретить мнѣ чтеніе лекцій¹⁾. Три съ половиной года спустя, хотя за это время новыхъ жалобъ на меня не поступило, я былъ отрѣшенъ отъ должности.... Я пребываю въ твердой увѣренности, что во всемъ этомъ я не былъ виноватъ. Я не прочиталъ, какъ утверждаютъ, лекціи о Иисусѣ Христѣ, вмѣсто лекціи еврейскаго языка. Сообразуясь съ обычаемъ, я прочелъ вступительную лекцію объ исторической роли народовъ, языки которыхъ я долженъ былъ преподавать. Посвятить въ подобной лекціи одну, проникнутую глубокимъ благоговѣніемъ, фразу Иисусу Христу—это не значило выходить изъ своего предмета. Станутъ ли отрицать, что Иисусъ въ исторіи семитическихъ народовъ имѣлъ столько значенія, чтобы заслужить короткаго

¹⁾ Ренанъ говоритъ здѣсь о своей вступительной лекціи. „De la part des peuples semitiques dans l'histoire de la civilisation“, которая будетъ напечатана въ 6 томѣ „Собранія сочиненій Эрнеста Ренана“.

упоминанія? Еслибы профессоръ арабскаго языка, въ своей вступительной лекціи, посвятилъ фразу Магомету, стали ли бы обвинять его въ томъ, что онъ выходитъ изъ рамокъ своего предмета? Пусть скажутъ, что я поступилъ неловко, пожалуй! Но наука, по моему мнѣнію, не должна считаться съ ловкостью: она должна быть правдивой. Во всякомъ случаѣ, если въ этомъ дѣлѣ я обнаружилъ мало политическаго такта, за то я доказалъ этимъ истинную любовь къ родинѣ, истинную преданность къ основательному образованію ума, истинное желаніе освободить молодежь отъ того плохого состоянія, въ которомъ она находится,—я проявилъ, однимъ словомъ, чувство достойное французской коллегіи.

Если бы, наконецъ, поняли, какую роль государство должно играть въ дѣлѣ высшаго образованія! Когда государство выбираетъ лицо, которое компетентная коллегія указываетъ ему, какъ достойное, то отвѣтственность уже снимается этимъ съ государства. То, что потомъ читаетъ профессоръ, касается только его самого. Жаловались ли протестанты, евреи, либералы на то, что Озанамъ на филологическомъ факультетѣ проповѣдывалъ самый чистый католицизмъ? Конечно, вѣтъ, такъ какъ заслуги его были признаны. Были извѣстныя причины къ тому, чтобы его назначить; разъ назначенный, онъ могъ совершенно свободно читать свой предметъ такъ, какъ онъ самъ его понималъ. Но когда протестантъ, еврей или челоувѣкъ, свободно мыслящій, будучи избранъ компетентной коллегіей, получаетъ кафедру, онъ тоже долженъ быть свободенъ въ высказываніи своихъ мнѣній. Берегитесь! вы ставите некаатолика внѣ общаго закона, вы доходите до того, что различаете людей по религіи, когда дѣло касается допущенія ихъ къ общественнымъ должностямъ! Когда католическій проповѣдникъ оскорбляетъ насъ, мы нисколько не жалуемся на то, что лишены права отвѣчать ему тѣмъ же. Мы не стоимъ за право свободнаго нанесенія обиды: обладай мы имъ (какъ это слѣдовало бы въ силу равенства), мы бы имъ не пользовались. Но несправедливо, чтобы католикъ могъ громко излагать свое мнѣніе съ свѣтской государственной кафедры, а мы не могли высказывать своего съ той же кафедры. Законъ не говоритъ, что для того, чтобы быть членомъ высшаго учебнаго учрежденія, нужно быть католикомъ. Вѣдь въ такомъ случаѣ не-католики будутъ доведены до необходимости или скрывать свой настоящій образъ мыслей, или видѣть, что ихъ не допускаютъ къ профессіи, которая открыта для всѣхъ. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ можно прійти, если допустить, что государство должно нести прямую отвѣтственность за все то, что преподается съ тѣхъ кафедръ, которыя оно субсидируетъ. Не очевидно ли, что взваливать такую отвѣтственность на государство,—это значитъ совершенно унижить всѣ общественныя учрежденія? Да и мало найдется достойныхъ людей, которые взяли бы на себя такое обязательство—угождать всѣмъ. Такое чудо могло-бы случиться развѣ только тогда, если бы профессоръ согласился хранить благоразумное молчаніе на счетъ всего щекотливаго,—вѣрнѣе говоря, насчетъ всего, чѣмъ стоитъ заниматься. Согласиться на такую программу можетъ только челоувѣкъ посредственный. Если выс-

пее образование сводится такимъ образомъ къ искусству все при-
туплять, все извращать, то лучше было бы его отмѣнить.

Чтобы оправдать эти требованія, указываютъ на уваженіе, которое подобаетъ оказывать религіи большинства. Какъ обманчиво это выраженіе! Къ какимъ оно ведетъ заблужденіямъ, и какъ удивятся въ одинъ прекрасный день, когда увидятъ, что это большинство было только кажущимся! Предположимъ даже, что оно въ дѣйствительности существуетъ; допустимъ, что если-бы кто нибудь вывѣдалъ религіозныя убѣжденія французовъ, онъ нашель-бы, что большинство нашихъ согражданъ состоитъ изъ истинныхъ и правовѣрныхъ католиковъ. Неужели это причина для того, чтобы меньшинство было поставлено внѣ закона? Неужели не слѣдуетъ опасаться, что зтотъ духъ исключительности принесетъ свои обычные плоды: непоправимое невѣжество, притупляющіе предразсудки, пагубное пренебреженіе къ иностранному, извѣстную умственную отсталость?

Въ дѣйствительности, подъ именемъ „религіи большинства“ выставляютъ государственную религію или по крайней мѣрѣ ту, которая пользуется особымъ покровительствомъ. Въ статьѣ, озаглавленной: „о религіозной будущности современныхъ обществъ“, я пытался указать на послѣдствія подобной системы и доказать, что религія, покровительствуемая государствомъ, также мало свободна, какъ и та, которая имъ притѣняется. Статья эта появилась въ 1860 году. Исключительное положеніе, въ которое поставилъ себя католицизмъ, только что явственно обнаружилось возстановленіемъ итальянскаго королевства. Я съ тѣхъ поръ рискнулъ со всевозможными оговорками высказать предположеніе, что католицизмъ, можетъ быть, находится наканунѣ великаго раскола, предвѣстникомъ котораго будетъ одновременное и нерѣшительное избраніе двухъ папъ. Я не хочу настаивать на этомъ предсказаніи больше, чѣмъ это подобаешь. Однако событія, происшедшія съ того времени, многократно внушали мнѣ ту-же мысль. Папство впало въ тѣ-же заблужденія, что и французское королевство: вмѣсто того, чтобы оставить пирамиду опираться на основаніе, оно поставило ее вершиной внизъ. Подобно королевству, оно будетъ наказано внезапнымъ паденіемъ. Двѣ противорѣчивыя функціи—выборнаго государя маленькой итальянской территоріи и духовнаго главы міра—легко могутъ привести на одномъ изъ ближайшихъ конклавовъ къ тому, къ чему онѣ привели въ XIV столѣтіи, я хочу сказать къ двумъ выборамъ, изъ коихъ одинъ будетъ соотвѣтствовать интересамъ Рима и Италіи, а другой—интересамъ католицизма. Обѣ партіи будутъ, конечно, претендовать на обладаніе канонической властью, а уставы конклава представляютъ собою нѣчто столь сложное, что и та и другая сторона найдеть возможнымъ подкрѣпить свои требованія. А какъ только будутъ выбраны двое папъ, расколъ будетъ уже непоправимъ. Вначалѣ онъ выразится въ спорахъ относительно личностей и политики, очень скоро онъ превратится въ борьбу принциповъ. Папы будутъ дѣйствовать на манеръ двухъ полюсовъ электрической батареи, притягивая къ себѣ элементы, которые къ нимъ будутъ тяготѣть. Католицизмъ можетъ быть упо-

доблень водѣ. Это тѣло очень однородное, но не простое. Введите туда разлагающій агентъ, и кислородъ отдѣлится у одного полюса, а водородъ у другого. Католицизмъ въ будущемъ не сможетъ имѣть еретическихъ сектъ, но изъ-за этого онъ только скорѣй подверженъ возможности раздѣленія. Централизація католицизма достигла такой степени, что расколъ при жизни единственнаго папы невозможенъ; слишкомъ печальнымъ было бы это для сознанія порывающихъ между собою сторонъ. Но пусть существующій папа начнетъ возбуждать сомнѣнія, пусть внутреннее сознаніе подскажетъ и той и другой сторонѣ достаточныя основанія къ тому, чтобы вѣрить въ различныхъ папъ,—и тогда съ совершенно чистой совѣстью начнутъ стремиться къ раздѣленію. Конклавъ, такимъ образомъ, представляетъ собою дверь, открытую всякимъ случаямъ; въ этомъ заключается очень слабая сторона папства. Папа, возсѣдающій на престолѣ св. Петра (какъ-бы этотъ престолъ ни былъ платокъ), можетъ не бояться нападеній; но во время междоцарствія нѣтъ ничего невозможнаго. Видѣли вѣдь, какъ конклавъ избралъ въ папы угодника короля, который только что опозорилъ папство; видѣли, вѣдь, какъ папа, такимъ образомъ назначенный (Климентъ V) вычеркивалъ изъ Ватиканскихъ книгъ акты неприклоннаго и посрамленнаго своего предшественника (Бонифація VIII).

Двѣ изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ статей принадлежатъ къ первымъ опытамъ, которыя я напечаталъ въ „la Liberté de penser“, и которыя я помѣщаю и здѣсь, хотя съ тѣхъ поръ уже усвоилъ себѣ иную манеру писать. Одна изъ этихъ статей, казалось мнѣ, передаетъ довольно точно чувства, которыя могла испытывать молодежь въ эту печальную годину, наступившую за 1848 годомъ,—эпоху, когда умственная реакція, казалось, избрала своимъ девизомъ выраженіе: „бросьте всякую надежду“. Въ тотъ моментъ, когда мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ, благодаря соединенію представителей всѣхъ французскихъ предразсудковъ, опять собирается то большинство, которое мы знавали тогда, подобная статья можетъ оказаться умѣстной. Эта честная, безупречная, но плохо рассчитанная и поверхностная революція 1848 года имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что раньше, чѣмъ черезъ годъ, власть перешла въ руки самаго тупого, самаго недалёковиднаго и наиболѣе яраго консервативнаго элемента нашей страны. Нѣкоторая перемѣна обнаружилась въ этой душной атмосферѣ около 1859 года, благодаря личнымъ взглядамъ императора Наполеона III, которые далеко не были такими реакціонными, какъ взгляды консервативнаго большинства. Это большинство полагало, что въ лицѣ принца Людовика-Наполеона оно нашло наиболѣе энергичное орудіе для реакціи, но, будучи мало проницательнымъ, оно ошиблось. Оказалось, что тотъ, кого избрали для подавленія всякой идеи, имѣлъ собственныя идеи и планы, безъ сомнѣнія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойные осужденія, но все таки совершенно отличные отъ плановъ чистыхъ консерваторовъ. Послушавши сначала реакціи, Наполеонъ III пошелъ по пути собственныхъ своихъ влеченій, которыя не всегда находились въ соотвѣтствіи со стариннымъ

французскимъ духомъ въ смыслѣ ограниченности и исключительности. Уничтожить преувеличенное мнѣніе, которое общество составило себѣ о могуществѣ императора Николая; протянуть руку возрождающейся Италіи; не оказывать противодѣйствія и мысленно благопріятствовать тому неизбѣжному движению, которое создастъ подъ именемъ Пруссіи великую Германію, страну либеральную, предназначенную сыграть большую роль въ направлеиіи исторіи человѣчества; потихоньку предуготовлять перемѣну въ свѣтской власти папѣ; ослабить пагубныя послѣдствія проведеннаго въ 1850 году клерикальной партией закона относительно народнаго просвѣщенія; испытать въ дѣлѣ торговли и промышленности системы, заключающія въ себѣ, можетъ быть, кое-что хорошее; предоставить свободу рабочимъ ассоціаціямъ, призваннымъ къ великой будущности,—вотъ дѣянія, совершенно противныя духу французскихъ консерваторовъ, дѣянія, отвѣтственность за которыя немногія изъ нашихъ правительствъ хотѣли-бы на себя взять. Тѣ, кто не будучи обязанъ принимать активное участіе въ политикѣ, имѣютъ право быть безпристрастными и снисходительными; тѣ, кто, смотря на человѣчество, какъ на большого, не хотять показывать себя требовательными и умѣютъ за небольшое количество добра забывать массу причиненнаго имъ зла,—тѣ могли испытать нѣкоторое удовлетвореніе отъ этихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ косностью. Ошибки, изъ которыхъ главная состояла въ томъ, что не было заявлено съ самаго начала непреложными актами, что Франція не стремится къ расширенію своей территоріи (страна, подобная Франціи, вмѣсто того, чтобы присоединять къ себѣ народы силой, должна была-бы принимать въ свою общину новыхъ членовъ только по ихъ просьбѣ), грубыя ошибки, повторяю я, измѣнили положеніе вещей. Такъ какъ императоръ Наполеонъ III имѣлъ за правило осуществлять свои мысли при посредствѣ тѣхъ, которые ихъ не раздѣляютъ, и при поддержкѣ консервативнаго большинства, которое имъ враждебно, то можно было легко предвидѣть, что въ одинъ прекрасный день консервативное большинство и члены императорскаго правительства, которые почти всѣ принадлежали къ партіи 1849 года, снова окажутся у власти. Это та именно партія, которая въ римскомъ вопросѣ заставляетъ произнести: „никогда“; та, которая пытается уничтожить Итальянское королевство и своими вызовами раздражаетъ то, что есть опаснаго въ германскомъ патриотизмѣ. Ошибается тотъ, кто полагаетъ, что можно создать во Франціи либеральное правительство путемъ подозрѣній и невѣжества, старческаго ослѣпленія и безумнаго отрицанія самыхъ очевидныхъ потребностей.

Статья о Клерикальномъ либерализмѣ появилась 15-го мая 1848 года. Я до сихъ поръ не хотѣлъ ее перепечатывать, во 1-хъ потому, что она написана съ юнымъ пыломъ, который болѣе мнѣ не свойственъ, а во 2-ыхъ я опасался, какъ бы здѣсь не увидѣли недоброжелательнаго приговора надъ католицизмомъ, которому я обязанъ такой благодарностью. Католики вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ много говорятъ о либерализмѣ. Я никогда не переставалъ думать, что католикъ, сколько-нибудь по-

слѣдовательный, не можетъ быть либераломъ; но не слѣдуетъ никогда упрекать своихъ противниковъ въ непослѣдовательности, разъ она ведетъ къ добру. И вотъ я былъ очень радъ видѣть написанную мною въ 1848 году статью отвергнутой, когда Syllabus доказалъ мнѣ, что эта статья содержитъ довольно правильные взгляды, и что, по крайней мѣрѣ, я показалъ себя въ ней хорошимъ теологомъ. Въ самомъ дѣлѣ Syllabus представлялъ собою громкое превозглашеніе того положенія, которое я поддерживалъ, а именно, что католицизмъ и либерализмъ несомнѣстимы другъ съ другомъ. А папа, вѣроятно, лучше нашихъ политиковъ-клерикаловъ знаетъ сущность католицизма. Нельзя быть католикомъ вопреки папѣ, и когда, во время недавнихъ споровъ, наиболѣе горячіе защитники папства начали съ того, что отвергли открыто Syllabus, теологамъ оставалось посмѣиваться. Чтобы представить себѣ догматы церкви, нужно изучить постановленія папы и уставъ сборовъ, но не довѣрять легкомысленнымъ толкованіямъ свѣтскихъ лицъ, которые, не пройдя курса богословія, тысячу разъ бываютъ еретиками безсознательно и только порою это сознаютъ. Папа—добрый судья въ томъ, что касается католической религіи. Syllabus, который удивилъ столько людей, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: Пій VII, Пій VIII и Григорій XVI сдѣлали точь въ точь такія же заявленія.

Было бы ошибкой видѣть въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя руководили мною при составленіи и вторичномъ изданіи настоящихъ статей, хоть малѣйшее желаніе усилить распри, и безъ того тяжелья. Средство способствовать согласію заключается не въ томъ, чтобы скрывать свои мнѣнія,—это было-бы обиднымъ для истины,—но въ томъ, чтобы излагать ихъ въ умѣренномъ тонѣ. Проповѣдывать своей странѣ высокое воспитаніе нравственное и умственное, чистый культъ, не отдѣленный насильно отъ религіи, но независимый отъ нея,—это значить работать для общественнаго блага. Внезапное появленіе Германіи на аренѣ великой европейской борьбы внушило другимъ мысль подражать вооруженію и военнымъ установленіямъ, давшимъ въ результатъ такое превосходство. Что касается вооруженія, то подражать ему нѣтъ ничего проще. Но подражать военнымъ установленіямъ это уже дѣло трудное. Слѣдуетъ опасаться, какъ бы не захотѣли при этомъ однихъ послѣдствій безъ производящей ихъ причины, однихъ плодовъ безъ дерева и безъ корней. Прусская организація это плодъ національнаго духа, основаннаго на солидной философіи. Подражать организаціи, не подражая тому духу, который ее обусловливаетъ, было-бы не совсѣмъ благоразумно. Отъ аналогичныхъ установленій, внушенныхъ однако различными взглядами, можно получить къ своему удивленію совершенно различные результаты. Чему же слѣдуетъ подражать? Нѣмецкимъ школамъ, нѣмецкимъ университетамъ, нравственному воспитанію, даваемому въ Германіи, нѣмецкому способу трактованія религіозныхъ вопросовъ. Когда баронъ Штейнъ съ 1808 года привялся за возрожденіе Пруссіи, онъ началъ съ того, что сдѣлалъ Берлинъ умственнымъ центромъ сѣверной Германіи. Онъ назначилъ Фихте ректоромъ университета; онъ привлекъ туда такихъ лицъ какъ Вольфъ,

Шлейермахеръ, затѣмъ Нибуръ, Савиньи. Сила общества зиждется на двухъ началахъ: во первыхъ на народной доблести—этомъ великомъ источникѣ самоотверженія, самопожертвованія, инстинктивной силы моральной, которую благородныя расы носятъ въ себѣ, какъ наслѣдіе отъ своихъ предковъ; во вторыхъ—на образованности и серьезности высшихъ классовъ. Сдѣлавшись въ современную намъ эпоху научной и нравственной проблемой, стоя въ связи съ самопожертвованіемъ народа и съ развитіемъ научной техники, война, въ общемъ, можетъ служить хорошимъ критеріемъ для оцѣнки націи. Такъ какъ арміи почти сводятся теперь къ головнымъ народнымъ ополченіямъ, такъ какъ издержки, которыя они поглощаютъ громадны, то принципъ великихъ народностей, основанныхъ на истинномъ патріотизмѣ, все болѣе и болѣе войдетъ въ силу, какъ міровой законъ. Нація, лишенная воодушевленія, высокихъ побужденій, привязанности къ своему правительству, скоро устанетъ отъ этой ужасной игры. Съ другой стороны, усовершенствованіе вооруженій, при которомъ наука находитъ себѣ одно изъ тысячи своихъ примѣненій, все болѣе и болѣе будетъ отдавать власть въ руки разума, который господствуетъ надъ матеріей и при помощи просвѣщенія создаетъ народъ, достойный того, чтобы служить и де ѣ. Народъ наиболѣе ученый, который будетъ имѣть наилучшихъ механиковъ, химиковъ, оффиціальныя учрежденія, наименѣе проникнутыя духомъ отсталости и завистливости, будетъ имѣть и наилучшую армію. Варварство, — иначе говоря, грубая сила безъ умственнаго развитія, — побѣждено на-вѣки. Окончательная побѣда будетъ за народомъ, наиболѣе просвѣщеннымъ и болѣе нравственнымъ, понимая подъ нравственностью способность къ самоотверженію, любовь къ своимъ обязанностямъ. Страна, которая можетъ доставить возможно скорѣе наибольшее количество вооруженныхъ для общаго дѣла гражданъ, которая въ состояніи поддерживать наибольшій бюджетъ, которая получаетъ возможно больше результатовъ при возможно меньшихъ затратахъ; страна, которая безъ смущенія переноситъ надъ собою власть божественнаго права и безъ взаимной зависти—неравенство классовъ; которая не думаетъ возставать противъ своей національной династіи—такая страна самая доблестная, самая просвѣщенная, и въ концѣ концовъ она будетъ болѣе свободной. Тщеславіе, которое называютъ красивымъ именемъ чести, зависть, принципъ преувеличенной любви къ равенству,—все это не въ силахъ совершать великія событія даже среди націи духовно-одаренной и подающей надежды. Великія событія совершаются только при помощи науки и добродѣтели. Повѣрьте, что хорошій патріотъ—это тотъ, который вамъ проповѣдуетъ серьезныя вещи, усовершенствованіе нравственное и умственное, а не тотъ, который играетъ судьбой своей родины, что бы выказать свое краснорѣчіе и свою ловкость.

Выставлять во всемъ на видъ любовь къ истинному и незыблемому, не пренебрегать ничѣмъ для того, чтобы создать народность разсудительную, просвѣщенную, проводящую въ своей жизни самое главное изъ отреченій, самое трудное, самое похвальное, состоящее въ томъ, чтобы не слишкомъ придерживаться ложной